

Екатерина Мекачима

ЗА
СЕВЕРНЫМ
ВЕТРОМ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М46

Иллюстрация на обложке *Лидии Магоновой*
Внутренние иллюстрации *Екатерины Мекачимы*
Внутреннее оформление *Екатерины Тинмей*

Мекачима, Екатерина.

М46 За северным ветром / Екатерина Мекачима. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199710-6

Представьте себе мир, где могущественные чародеи — волхвы, где в лесу обитают крылатые вилы. Тут Боги возвели монументальные города, которые украшают резные терема, и в древней тайге прячутся мавки. Здесь магия Слова может свести с ума, а водяной — оказаться другом.

На просторах этого мира разворачивается история самого Кощея Бессмертного, имя которого столько веков приводит жителей Сваргореи в ужас. История о молодых годах будущего Владыки, о том времени, когда Кощей был человеком. Это сказ о событиях, благодаря которым он заключил свою душу в Иглу и стал тем, кем его запомнил этот мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мекачима Е., текст, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199710-6

Пролог

Он видел сны.

Он чувствовал пронзающий душу
ветер бесконечной печали.

Он видел мёртвую страну, что простиралась далеко на Севере. Там, где воды океана сковало ледяное дыхание Неяви, а земля была сокрыта вечным льдом, он видел себя скованным цепями. Его тело истлело, и сухая кожа обтянула торчащие кости.

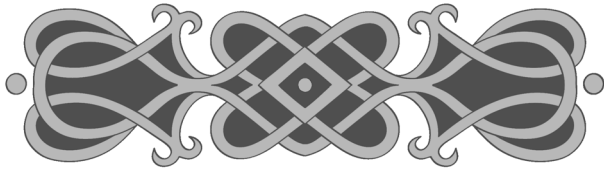
Он видел, как Чёрные Птицы по велению Мора извлекли из его иссохшего тела Иглу и оплели Её скорлупой своих Слов. Он видел, как посланницы Мора опустились вместе с Иглою в царствие Неяви.

Он видел, как его Смерть забрал Мор.

И он знал, что ему уготована одинокая вечность. Вечность спустя ледяной холод сковал его душу. Но Кощей услышал песнь. Песнь, что лишь немногим слышнее тишины, но совсем настоящая. Внимая музыке, Кощей закрыл запавшие глаза. Он увидел Чёрный океан и Чёрное Древо. Корни Древа оплели сундук, который хранил его Смерть. Подле Древа стоял грозный муж, сотканный из первозданной тьмы, и смотрел на него. От Его взора замирало даже мёртвое сердце. Мор. Бог Неяви своими безглазыми глазами взирал на него.

— Твой час настанет, Бессмертный. —
Рокот голоса Мора содрогнул Явь.

ВСТУПЛЕНИЕ Вестник Богов

Великая Тайга простиралась от Ледяного моря до крайних Гор Рифея. исполинские деревья, что помнили времена Богов, что сами — духи, неприступным монолитом хранили древнюю страну. Высокие сосны внимали музыке ветра Стрибога. тихо пели птицы. И бор шептал на ухо сестрам-лунам, пока сизый туман тайком гулял по непроглядному лесу.

6

В такой лунный час долгой северной ночи седые волхвы, внимающие Богам и природе, созывают Собор Пращуров. И когда огонь возгорится ярко, золотые искры вознесутся к небу, волхвы могут слышать голос посланника Богов — Семаргла. Если же грядут великие события, то вестник Богов сам явится волхвам в обличье крылатого пса.

Всполохи огня плясали на рунах высоких деревянных капиев¹, устремивших свои вершины в бездонное звёздное небо. Глухо и утробно бил барабан. Седые старцы, облачённые в белые одежды, сидели вокруг костра. Ветхий старик расположился чуть дальше всех, подле капия Перуна. Белоснежные волосы волхва украшал медный обруч, а борода служителя Богов струилась до земли.

Волхв видел, как искры огня взлетают ввысь, устремляясь к звёздам, что покоятся на кроне Древа Мира, Краколи-

¹ Ка п и й — название идолов богов в Сваргории. От слов «капище», «капь».

ста. И каждая искра подобна чуду, и в каждой — целый мир, что возгорится, вверх летя, и гаснет в темноте. И грустно старцу было и радостно в душе. Волхв знал судьбу мира, она открылась ему давным-давно. С тех самых пор старец не закрывал очей на Соборах Пращуров, не хотел внимать Богам.

— Не печалься, Белозар. — Крылатый пёс улётся у волхва в ногах. — Видения твои для дней, которые грядут ещё не скоро.

— Семаргл, — волхв перевёл взгляд на посланника Богов, — неужто сам Сварог послал тебя или Богиня Макошь? Пёс улыбнулся:

— Я тебе явился сам. Они же, — он кивнул в сторону волхвов, — слушают Её. Мать-Земля сегодня шепчет.

— Что же ты сказать пришёл?

— Скоро тебе в золотое одеваться¹. — Семаргл перебрался ближе к Белозару. — Но ты и сам ведаешь об этом.

Волхв кивнул. Он уже давно ждал своей свадьбы с вечностью, ждал Птиц, что унесут его на Юг, в Ирий. Унесут к ней.

— Но перед тем как услышать Песнь, — говорил пёс, — тебе нужно поведать волхвам о грядущем. Знание твоё должно остаться в мире.

— Ох, Богов посланник, — сипло засмеялся старик, — не вижу смысла говорить о том, что изменить нельзя.

— Неуж голова твоя совсем поседела? — нахмурился Семаргл. — Твоё видение — лишь сказ, один из множества возможных. Богиня Макошь не начинала пряхть ту нить, что видишь ты.

— Но ведь спрядёт, — прошептал Белозар, — и даже Перун не сможет разрубить ту пряжу, что создаст Бессмертного Владыку.

Семаргл устало покачал косматой головой.

¹ Одеваться в золотое — выражение, употребляемое в Сваргорее, синоним «умереть».

— Коли скажешь им своё виденье, Белозар, то Макошь и твоё Слово в мироздание вплетёт. Коли не скажешь — и его не будет.

Белозар вздохнул и вновь взглянул на звёзды.

— Вот скажи, Богов посланник, — говорил старый волхв, обращаясь скорее к небу, — коли тебе ведомо то, что ведомо и мне, коли даже Богам ведомо сие... Почему же силы, миром правящие, не изменят то, что лишь им возможно изменить? Почему же Макошь спрядёт ту пряжу?

— А вот как думаешь ты, старче, — Семаргл тоже устремил свой взор в ночное небо, — коли не было бы зла, кто б добро добром же называл?

— Пустое молвишь, — махнул рукой волхв, — пустое...

— Если так ты мыслишь — твоё право, Белозар. Но скажи, как Богиня Макошь может нить Судьбы не ткать, души рождённых в неё не вплетать? Она лишь силу вам даёт, в Судьбе, вплетая, а куда направить дар её, в плохое или в благое, — решать уж вам. И даже если грустно всё решится — Богиня исколет пальцы и заплачет, но вышьет ваш узор.

Семаргл замолчал, и Белозар не молвил. Затихли барабаны. Лишь низкое баритонное пение волхвов слышалось в тишине.

И чудилось Белозару в огне и звёздах, будто вновь он стал молодым, а с ним — его кудесница, прекрасная Сяна. И Солнцеград, великий город-остров, где вместе жили, терялся в поднебесье. Но видение померкло так же быстро, как и улетела в края золотые¹ его любимая голубка. Тогда дремучий лес и стал спасением, где юный волхв слушал голоса природы и мудрость предков. Давно это случилось, и даже облик невесты украло беспощадное время. Но показалось вдруг, будто в огне явился её благодатный лик, по которому столько лет тосковало сердце... И не было тех лет печали. Волхв знал: ему пора.

¹ Златые края — Ирий, рай для умерших.

— Скоро прилетят Птицы, — вновь заговорил Семаргл, потягиваясь, — и будут петь. Так что же ты решил, кудесник?

— Скажи, Богов посланник, — Белозар посмотрел в ясные глаза Семаргла, — коли я расскажу о видении своём волхвам, смутятся ли их сердца? Не станет ли мой рассказ причиной тому, что произойдёт?

— О, кудесник Белозар, на то и у меня ответа нет. — Посланник Богов опустил взгляд. — Не только Боги Светом правят, но и вы, как дети их.

Белозар вздохнул и закрыл глаза. Пение волхвов разливалось по миру, ведя за собой в неведомую даль, туда, где тишина рождалась...

— Белозар, — прошептали совсем рядом.

Старец открыл глаза. Перед ним, на ступенях подле капия, сидел юный Велижан. Он обеспокоенно смотрел на древнего служителя Богов. Песни волхвов смолкли. Старцы обратили взоры на Белозара.

— Ты ушёл от нас, — сказал Велижан с тревогой. — Уже который Собор ты внемлешь Богам один.

Белозар вздохнул: он чувствовал студёный ветер от взмахов крыльев Птиц. Печальную радость омрачал лишь ответ перед Богами. Как же быть? Какую весть поведать миру?

Белозар ничего не сказал молодому волхву; он медленно поднялся, опираясь на посох, и подковылял к сердцу капища. Старый волхв поднял ритуальную чашу, что стояла недалеко от костра, крепко обхватил рукой посох, который давно сделался выше его самого, закрыл глаза и зашептал. Волхвы благоговейно замерли.

Вторя словам Белозара, искрящийся туман окружил старца. Дым клубился, будто живой, кудрявился, следуя велению Слова, и медленно, водой, стекал в чашу, что дрожала в старческой руке. Когда чаша наполнилась серебряной водой, Белозар замолк. Туман рассеялся, и волхвам почудилось, будто перед ними не вековой старец, а молодой прекрасный юноша

с дымящейся чашей в руках. Волосы его были цвета спелой пшеницы, а ясные глаза — пронзительно-голубые, как чистое весеннее небо. Но видение померкло, и перед служителями Богов вновь предстал их древний учитель.

— В этой чаше то, что поведали мне Боги, — говорил Белозар хрипло. Его скрипучий голос громко звучал в лесной тишине. — Я не знаю, надобно ли это знание вам передавать. — Он помолчал, задумавшись. — Я так и не решил. — Волхв вздохнул. — Как быть со знанием — думать вам, живым. Ко мне летят уж Птицы. Кто хочет — может испить из сосуда, кто хочет — может огонь из него затушить, когда меня не станет. Но коли испить решится кто, пусть помнит: то, что в сосуде помещено, — может быть, а может и не быть совершенно.

Белозар замолк и не говорил уж более. Зарницами озарилось на Юге небо, сияющая зелёная пелена укрыла звёзды. Всполохи света играли и переливались, то ярче вдруг светились, то волной бежали, то гасли, чтобы вновь озарить небосклон таинственным огнём.

— Вестники Ирия совсем близко, — прошептал один из волхвов.

И видели волхвы, как ещё ярче засияло небо, заиграл цветами бархат ночи и заплакали звёзды. Две капли Света опустились подле меркнувшего костра, рядом с Белозаром. Звёздный свет коснулся земли, и перед волхвами предстали птицы необычайной красоты. Голова и грудь — как у прекрасных дев, оперение одной сверкало золотом, другая же была облачена в серебро. Птицы мягко обняли Белозара, уложили бережно на землю. И полилась песня, и мелодия звуков золотых ворожкой укрывала усопшего. Стоявшие поодаль волхвы медленно, чуть дыша, опустились на ступени капища. Песнь завораживала, уводила за горизонт, в страну, где счастье правит...

Когда первый луч солнца пробудил лес от ночного сна, в древнем капище царил тишина. Огонь потух давным-давно. И лишь полная воды чаша стояла в центре святилища.

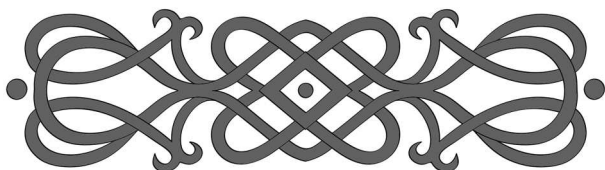
Через бескрайнюю тайгу пролегла дорога из Южного Предела к Ледяному Морю, в великий Солнцеград. Путь был долгим и сложным.

Торговый караван с южных земель много дней шёл по дороге, ведущей через дремучий лес, когда лошади остановились недалеко от святого места. Один из пилигримов, стражник в доспехах, в поисках места для лагеря забрёл в древнее капище. Он почтил Богов, помолился Матери-Земле. Когда святое место покинуть собрался, увидел деревянную чашу, которая стояла подле кострища. Сосуд украшали руны, значения которых воин не знал. Он поднял чашу, и легкий туман стёк с серебристой глади воды. Почудилось путнику, будто бездонная пропасть сокрыта в глубине сосуда и глядит на него Нечто из толщи воды. Испугался человек, но взора отвести не мог. Как замороженный смотрел на воду, долго смотрел, пока не одолела его жажда великая. Спасение лишь во тьме сосуда воин видел. Испил воин воды студёной, и небывалое видение предстало перед ним. Будто мир огнём охвачен. Бушует зверь — трёхглавый морской змей. Солнцеград разрушен... А на троне — человек, кто свою душу заключил во тьму.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Великая Тайга простиралась
от Ледяного Моря
до крайних Гор Рифея.
Исполинские деревья,
что помнили времена Богов,
что сами — духи,
неприступным монолитом хранили
древнюю страну.
Высокие сосны внимали музыке
ветра Стрибога.
Тихо пели птицы.
И бор шептал на ухо сёстрам-лунам,
пока сизый туман тайком гулял
по непроглядному лесу.

ГЛАВА 1

СЛОВО

Он держал путь через тайгу. Опасное путешествие. Мало кто решался сворачивать с дороги и отправляться в самую чащу. Древние могучие леса, ровесники Богов, бережно хранили свои тайны. Лишь привеска из белого дерева, выструганная и заговорённая любимой, отгоняла мавок и других обитателей чащоб. Путник слышал их шёпоты, видел светящиеся зелёные глаза, чувствовал страх, насылаемый русалками. Но никто из лесных духов не отважился приблизиться к человеку, которого хранил берёзовый оберег. Ночами, когда становилось совсем худо и звуки леса сводили с ума, оберег светился мягким светом и дарил тепло.

Много дней спустя лес сделался совсем тёмным, непроглядным и сырým. Вековые хвои плотно сомкнули над головой колючие ветви. Сизый туман стелился по земле. Лес замер. Не слышно ни пения птиц, ни зверей, ни даже шёпота духов. Путник остановился и посмотрел на оберег: подвес светился, будто ночью — выжженный на дереве солнечный щит горел огнём. Цель близка. Неприятное предчувствие окружило холодом. Хотелось повернуть назад. Но путешественник лишь вздохнул, помолился Сварогу и продолжил путь.

От каждого хрустящего шага замирало сердце. Ветви настолько плотно сплелись, что царапали лицо и одежду. Бурелом стал почти непроходимым. Паутина, белая, клей-

кая, цеплялась, застилала лицо, опутывала руки. Пахло плесенью и гнилью в сумеречном лесу: солнечный свет не мог пробиться сквозь дремучие заросли. Отчаянье уже завладело путником, когда лес вдруг расступился и открыл взору небольшую поляну. Странник замер, прислушиваясь. Тишина. Звонящая. Тёмное место. Ещё более зловещее, чем непроходимый лес. Неведомая сила затаилась у поверхности чёрного, заросшего тиной озера, которое, будто огромное блюдце, лежало в самом сердце перелесья. Серебристый туман окутывал старый покосившийся терем, стоявший на деревянных кольях в центре водоёма. Назад пути нет. Путник знал, что тот, кто доберётся живым до сердца тайги, без позволения хозяина уже не вернётся домой.

С молитвой Сварогу странник вышел из леса. Солнце почти село, и небо светилось тёплым золотом. Свет Дажьбога-Хорса вселял надежду.

Человек медленно пошёл к терему. С каждым шагом воздух становился холоднее, движения давались труднее, будто во сне. Морок. Нельзя поддаваться страху, что предательски звал повернуть назад. Вернуться уже нельзя. Но идти вперёд становилось всё сложнее: сварогину¹ казалось, что каждое его движение, каждый шаг отнимает много сил. Будто тело сделалось железным, стало неповоротливым и тяжёлым. Путник сбросил с плеч поклажу.

С трудом переставляя ноги, спотыкаясь, сын Сварога добрался до зеркальной поверхности воды. Только сейчас он заметил, что не оставлял следов: ни одна травинка не шелохнулась под поступью его ног. Тёплый свет берега померк. Отец Сварог... Нельзя так страстно желать то, что не предназначено Богами. Теперь же собственная обида своей же гибелью и станет...

Обессилев, путник упал на колени. Мысли сделались тяжелее тела. Вот, значит, какой будет смерть его: сгинет без

¹ Сварогины — так сами себя называли жители Сваргореи, которые считали себя детьми бога Сварога.

